

Юрий Васильевич Красавин

ВРЕМЯ НОЛЬ Маленькая повесть

Каждый день приползали тараканы величиной с винтовочный патрон, поседевшие, уже неспособные к жизни. У них были прочные, словно металлические панцири, проволочные усы, пилообразные челюсти, а само тело в обручах, сходящихся и расходящихся гармошкой, но слабое, как у тех личинок, что обитают под толстой корой мертвых деревьев. Тараканы эти добирались поодиночке, еле-еле шевеля лапками, будто сонные или опьяневшие, переворачивались на спину и умирали от изнеможения. Может быть, это были и не тараканы вовсе, но Чирков звал их так.

Он находил их поутру перед дверью своего логова или на бетонных дорожках к объектам. Они явно стремились к нему, будто чуяли обитаемость жилья, тепловое излучение человеческого тела – но что им нужно было от Чиркова? То ли они жаждали совместного мирного сосуществования, то ли, наоборот, хотели погубить?

При виде их его передёргивало от омерзения и необъяснимого ужаса: они были слишком велики, слишком жирны и потому казались уродливыми, но не от этого обнимал его страх, а от сознания, что ими руководит непостижимое стремление, какая-то жестокая сила, цели которой ему неведомы.

Чиркову снилось по ночам: вот идут они колоннами, как воины в латах, на приступ к его логову, перекусывают колючую проволоку ограждения, перегрызают металлические сетки, буравят бетонные перекрытия строений и броню боевых машин, ржавеющих в гаражах, и непременно добираются до того подземелья, где в деревянных ящиках хранятся покрытые солидолом банки с мясными консервами. Так и виделось: тараканы непостижимым образом пропиливают жёсть и начисто выедают содержимое банок.

Сон этот был отчётлив и убедителен, как сама реальность: вот эти твари копошатся, бегают – жирные, вымазанные солидолом и свиным салом, - и в конечном счёте подступают к нему, обессиленному голодом, побеждённому человеку. Они перегрызают его сразу в нескольких местах, отделяя руки, ноги, голову... дырявят череп, выедают глаза, проникают в кости...

Глупый сон, дурацкий сон, но Чирков просыпался в холодном поту и выходил из логова вон, чтоб успокоиться. Он вдыхал ночной воздух, в котором не было свежести, а был душноватый запах тления. Чиркову хотелось увидеть звёзды, но он не видел их уже давно, все эти три года. Но небо было низким, и казалось, по нему тоже ползли тараканы, как по потолку, и падали оттуда с сухим стуком металла о камни. Впрочем, иногда ему мерещились на тёмном фоне слабенькие мерцающие точки, но стоило закрыть глаза – мерцание не пропадало: значит, это не звёзды. Когда Чирков шёл в темноте по дорожке, тараканы лопались у него под подошвами сапог, и он вздрагивал от этих звуков, как от выстрелов.

“Дьявольщина!” – хрипло бормотал Чирков. Его охватывала ярость, от которой случалось помутнение рассудка; он выволакивал наружу гранатомет и палил наугад – в небо, в лес, в пустующее здание бывшей казармы: может быть, от этого грохота разбежится нечисть?

Наступала тишина, в которой явственно слышалось в траве ли, на камнях ли замедленное шуршание, поскребывание тараканьих лапок.

Родом эти твари были явно из той деревни, до которой отсюда километров пять. Где-то там их исходная позиция; они появлялись на свет непонятным способом, словно дьявольский станок-автомат штамповал

их, как штампуют шайбы или гвозди. А может быть, какое-то животворящее существо неустанно производило их на свет, и они расползлись во все стороны?

При северном ветре от той деревни наносило трупный запах, преследовавший Чиркова уже третий год. Скелеты животных и людей в полуистлевшей одежде валялись там, храня в расположении костей последние судороги. В смертную минуту люди были словно бы гонимы злой силой или безумием – ни один не остался в своем жилище! – все лежали теперь на луговинах и на дорогах, как эти тараканы. У каждого оголенные до костей кисти рук держались за собственные шейные позвонки – последние сдавленные крики и хрипы словно бы звучали над этой деревней. Легко можно было представить себе, что творилось в час конца, вернее в те краткие минуты, когда живых людей одолевала смерть, когда наступило Время Ноль.

“Тараканы оттуда”, - уверял себя Чирков, чувствуя какую-то связь между гибелью людей и множественным появлением на свет отвратительных членистоногих тварей.

Но вот как они добирались к нему, если для них трава – непроходимые джунгли, если на пути ручей и буреломный лес? Не иначе, как по той дороге, выстланной бетонными плитами, теперь уже заросшей жесткой травой и малинником на стыках этих плит. Пять километров... Во имя какой цели? Чтоб доползти и умереть? В их смерти Чиркову чудилась ужасная загадка.

Та простая мысль, что они могли прилетать, как летают жуки, не приходила ему в голову.

Он перекопал дорогу в нескольких местах глубокими рвами, но и это не помогло: тараканы появлялись друг за другом неостановимо. Может быть, они все-таки не из деревни? Тогда откуда? Не вывелись ли химическим путем в одной из шахт, что сооружены были тайно в окрестных лесах еще лет пятнадцать тому назад? Возможно, те ракеты, что затаились в этих шахтах, теперь стали разлагаться, как трупы, производя на свет насекомых с металлическими панцирями.

“Нет, - успокаивал себя Чирков, - этого не может быть. Железо не способно воспроизводиться, как живое”.

Но тут же его посещала противоборствующая мысль:

“А почему бы и нет? Если живая природа произошла от неживой, то...”

И опять ему снился проклятый сон: шелест жестяных крыльев, шуршанье тысяч лапок, скрежет по металлу и бетону, царапанье по живой кости, сверлящий звук под куполом собственного черепа.

С другой стороны от его логова – лес на много километров и за ним железная дорога. Теперь она тоже заросла, рельсы густо заржавели. Там Чирков однажды видел живого человека: это было через месяц или два после того, что он обозначил для себя как Время Ноль. Седая толстая женщина сидела на шпалах и куском уголкового железа отрубала себе на рельсе по суставчику пальцы левой руки. Ударит по пальцу, отпилит кожную перемышку и смотрит, смотрит, улыбаясь, как течет кровь. А когда струйка крови иссякала, она отрубала еще один сустав, потом следующий. Лицо ее было одутловатым, лунообразным – лицо идиотки, питающейся трупами.

Тогда Чирков был уверен, что люди, то есть нормальные, разумные люди, где-то еще живут, просто ему не повезло их встретить.

Мысль о том, что эта баба такой же человек, как и он, оскорбляла. Его еще не измучило одиночество, он чувствовал в себе силу, и потому считал, что обязан выполнить очистительную миссию, необходимую работу по отбору лучших, и это будет справедливый, естественный отбор.

Он считал, что люди с помутненным разумом жить не должны, вот и все, потому приговор вынес скорый: разнес ей голову короткой автоматной очередью, шагов с десяти. Он сделал это не только по трезвому расчету, но и из животного страха: как бы эта уродина не появилась там, где он живет, - будет

вот так отрубать-отпиливать себе руку перед его окнами. Само присутствие её на этом свете не сродни ли омерзительному тараканьему нашествию? Она заслужила смерть, и всё тут.

Подойдя ближе, Чирков сделал два одиночных выстрела, полуотвернувшись, боковым зрением лоя, как вздрагивает от пуль лежащее бесформенное тело. И только потом сообразил, что это вовсе не старуха, а женщина лет тридцати или даже менее того, и испытал некоторую досаду.

Зарывать убитую он не стал – это далеко от его логова, следовательно, смрад не достигнет. Небось, некому было потом даже выклевывать глаза у трупа: за все эти годы не пролетело над головой Чиркова ни одной вороны, и ни единой малой птахи не выпорхнуло из кустов; скелеты птиц, маленькие и большие, он находил в лесу тут и там: в тот роковой час, вернее, за те роковые минуты /Время Ноль!/ погибло всё, что дышит.

Уцелели только насекомые, да и те почему-то теперь обретали нелепый и пугающий облик. Уж встречались лесные муравьи с палец величиной, в перепончатыми крыльями, как у стрекоз; жужелицы и навозные жуки становились похожими на дыбку степную, каких Чирков виде на Среднем Дону, когда гостил у двоюродного брата; в лесу из-под корневищ деревьев выползали полосатые многоножки с кольчатými туловищами и с усами длинными, как вожжи, вытянутые вдоль тела. В ручье завелись мокрицы, плоские, словно камбалы, и большие – с подошву сапога.

В окрестностях пролегалo несколько дорог, каких не обозначали на обычных картах и туристических схемах. Это были секретные дороги, ставшие теперь ещё более потаёнными, поскольку они уже исчезали, местами покрывались странной жутковатой растительностью: из земли вылезал мощный кула, взламывая бетон или приподнимая плиту, тянулся вверх и разжимался наконец, выгоняя в разные стороны два-три ростка; на стволе появлялись почки-кулачки, из них распускались перепончатые листья-лопухи, а главная вершина увенчивалась цветком-зонтиком размером в бельевой таз. В этих растениях проявлялась та же пугающая сила, которая была в насекомых.

И там, где жил Чирков, на обширном участке земли, обнесенном колючей проволокой, вдруг стали пробиваться на свет эти лопушистые растения, бледные при рождении, набиравшие потом зелень темневшую до черноты. Вид их нёс в себе необъяснимую угрозу и тупую агрессию. Один из таких уродов вылезал из-под фундамента продуктового склада – не от него ли кирпичная стена дала трещину? Чирков срубил его топором, но толстая культя продолжала свой рост. Казалось, где-то в глубине земной живёт чудовище, вроде морского спрута, и щупальца его выходят на свет...

Гаражи, склады, жилые помещения были построены тут лет десять назад для того, чтобы из шахт, ныне заполненных водой, взошли в небо ракеты; их было четыре, но взошла только одна, и исчезла в небе, а вскоре наступило роковое быстротечное Время Ноль, когда люди умирали, разрывая себе горло от удушья. Может быть, это случилось на всей Земле, во всяком случае ныне у Чиркова не было никаких оснований думать, что где-то жизнь идет по-прежнему: несколько дней после “нулевого времени” радио панически балаболило на разных языках, но постепенно эфир замолчал, омертвел. Лишь иногда в мертвой пустоте его слабо, жалобно попискивала морзянка – как сигнал умирающих в далекой пустыне или удаляющихся в бескрайний космос.

Время Ноль застало Чиркова в глухом лесу; он стоял, замерев, и чутко слушал. Это место облюбовали зайцы для игры и забот. По следам было видно, что заходили сюда и лоси, и кабаны, но все-таки это было заячье место: березы старые на холмашках, мшистые и травянистые полянки величиной с жилую комнату, просека с линией электропередачи... Тут ему всегда сопутствовал охотничий успех, но на этот раз вместо выстрела в утренней тишине полыхнуло небо, ударил дальний гром, от которого вздрогнули лес и земля до глубины, а несколько минут спустя, охотник уже катался по мокрому мху, царапая себе шею от удушья.

Он потерял сознание, и потом не мог определить, сколько пролежал в забытии – час? день и ночь? или несколько суток?

К нему трудно возвращалась жизнь. Он оживал медленно, а очнувшись, долго не мог осознать, где

находится, почему лежит посреди леса, облепленный комарами, и кто он такой, что с ним произошло. Все прожитое раньше было отсечено. Несколько дней миновало, а он не мог вспомнить родных, сослуживцев, самого себя. Даже имя свое забыл, помнил только фамилию – Чирков. Своя это или чужая? Просто где-то в памяти все время маячило, будто вывеска на магазине, - “Чирков”. Память осталась как бы замороженной и оттаивала очень медленно.

После долгих блужданий по окрестностям, где в деревнях и на дорогах он натыкался на мертвый скот и на мертвых людей, совершенно случайно вышел к военному городку и удивился ему, озадачился. Смутное воспоминание проблеснуло, подобно загадочной зарнице: он тут бывал раньше...

Этот городок состоял всего из нескольких пятиэтажных домов да низких гаражей, ну и ажурные антенны, радар... все остальное скрыто под землей. Теперь тут тоже все замерло – и люди, и механизмы.

Чирков уже уразумел, что произошла какая-то катастрофа и, может быть, спасся лишь он один. Поначалу это сознание “Мне повезло: я уцелел!” наполнило его радостью и торжеством. Но потом радость постепенно угасла, ее оттеснило чувство недоумения и страха: “Я один...”. Омертвляющая пустота постепенно вселялась в его душу: насколько он один? как далеко окрест он один? Ответа не было.

Трупы солдат ему пришлось поспешно захоронить, чтоб они не отравляли ближний воздух. В двух жилых домах, вернее, возле них лежали мертвые женщины и дети; он захоронил их всех вместе в траншее, вырытой ранее от новой котельной к жилому дому – просто завалил землей.

От военных остались ему автоматы, пистолеты, карабины, гранатометы и ящики с гранатами, бронетранспортеры, несколько грузовиков с крытым верхом, два вездехода, четыре легковые автомашины; а помимо того, много прочего, совершенно ненужного теперь добра.

Чирков устроил себе жилье в земляном холме, скрывавшем помещение с радиоаппаратурой. Тут еще несколько недель мигали разноцветные лампочки, и он мог слушать замирающий эфир.

К этому времени он уже ясно вспомнил некоторые картины своего детства, но между ними не было связи; вспомнил мать, отца, брата Володю, черного пуделя Тимошку. Он знал, что здесь, среди погибших, их нет, но где они теперь и что с ними – об этом думалось тупо и недоуменно, без боли.

Чирков отгородил для себя закуток, натаскал из казармы тюфяков, собрал в квартирах все съестное, из небольшого магазинчика приволок ящики со спиртным и... стал жить.

В то ужасное лето, когда все случилось, на полях вокруг ближней мертвой деревни поспел урожай. И вот срывал колоски ржи и пшеницы, “доил” овес и гречиху, набивал целый мешок и нес к себе; сушил возле печи, молотил, провеивал...

На некоторых полях его преследовал странный железистый вкус во рту; словно ржавчина проступала на языке. Он догадывался, что это означает, и спешил уйти с этих полей. Но хлеба были обильны, и он понимал, что зерно ему необходимо, потому работал тупо и упорно.

День ото дня холодало; все время лил дождь, пришлось сложить печку. Под дождем ходил в лес за сухостоем, благо это рядом; пилил и колол, так что целыми днями в его логовище ярко полыхал огонь и трещали дрова. Другого света не было. В это первое время он не унывал – опоражнивал бутылку за бутылкой, часто смеялся.

Так было, пока не выпил все. Тогда он поискал в квартирах, нашел и там несколько бутылок, но и их хватило ненадолго. Вот теперь стало тоскливо.

Он ждал, что холода и дожди вот-вот прекратятся, ждал, пока не понял, что они надолго... может быть,

навсегда.

Солнце проглядывало редкое и было мутное; ветер гнал облака – они летели стремительно. Чирков радовался, что запасы зерна пополняются; временами ему казалось, что он живет на острове, куда его выбросило после страшного кораблекрушения. Чудилось, что вот-вот появятся дикари-людоеды и устроят пляску вокруг костра с жареной человечинной.

Но вместо людоедов однажды среди бела дня на территорию военного городка прибежал откуда-то безумный мальчик лет десяти, в зимней шапке (по летнему-то времени!) Он закричал Чиркову:

- Здорово!

И через минуту в том же тоне, хрипло, обыденно:

- Как живешь?

И побежал прочь.

Чирков кинулся следом:

- Погоди! Слышь, погоди!

Хотелось остановить, расспросить, просто посмотреть на него – ведь уж сколько времени не видел живого человека! – но, увы, не догнал. Было жалко до слез, что этот мальчик не остановился. Конечно, он безумен, но если приласкать, авось оклемался бы...

Потом, много дней спустя, Чирков нашел этого мальчика уже мертвым у самодельного шалаша в лесу: тот лежал на спине с восковым лицом, с удивленно открытыми глазами, словно увидел что-то в небе, поразился этому и умер от страха ли, от изумления ли.

Зима была страшной. Темнотой, безмолвием, одиночеством, лютой стужей. Но больше всего пугала тишина. По ночам слышно было, как гулко лопаются от мороза стволы деревьев.

Спасало то, что временами Чирков впадал в забытье. Он как бы отключался на какое-то время, измеряемое не минутами и не часами – сутками. Очнувшись, видел себя лежащим под ворохом одеял и тюфяков, в заиндевевшем помещении. Тут он вставал, окоченелыми руками растапливал давно погасшую печку, соскребал с окошка густую бахрому инея: что там – день? ночь?

Когда огонь разгорался, и печка накалялась, с окон и дверей натекали лужи. Он выволакивал из темноты пахнувший солидоллом ящик, доставал банку с мясными консервами, разрубал её топором, вытряхивал мерзлое содержимое. Ел вяло и с отвращением; про зерно забывал, а вспомнив, дробил его обухом топора на темени какого-то прибора величиной с холодильник, варил кашу или пёк лепешки.

Всегда была нужда в дровах, они таяли, как снег. Собравшись с силами, шел за сухостоем в лес и возвращался с обмороженным носом или щекой.

Во время одного из таких походов, когда наступила первая оттепель, он увидел вдруг собаку. Это была именно собака, а не волк, но Чирков обрадовался бы даже и волку – всё-таки живое существо и отнюдь не насекомое. Собака эта лакала воду из не замерзшего родника в овраге, где лёд намерз огромными наледями. Она оглянулась на хруст человеческих шагов. Конечно, если бы не довольно громкое журчание воды по камням да наледям и не шелест ветра в кустах, она услышала бы Чиркова гораздо раньше, когда он был далеко. Врождённый страх перед человеком боролся в ней с природным инстинктом хищника, и последнее оказалось сильнее.

Чирков подходил, а пёс лишь оседал на зад, но не отступал в страхе; он даже зарычал угрожающе и

оскалил острые клыки.

- Тузик! Тузик! – радостно звал Чирков и похлопал себя по ляжке. – Рекс! Рекс!

Нет, это была уже не домашняя собака, а одичалый пёс. Шерсть на его загривке поднялась дыбом, всё тело, худое, с поджарым животом, напряглось.

И тут с крутого берега оврага на Чиркова ринулась целая стая, не меньше полутора десятков собак. Он даже не сразу осознал, как это и что это, и секунду лишнюю промедлил, оторопев. Собачьи зубы тотчас впелись ему в ногу выше колена. Чирков вскрикнул, но и другую ногу полоснула острая боль; ещё одна собака кинулась ему на грудь, зубы её сомкнулись у его горла с резким клацнувшим звуком.

Чирков отпрянул спиной к крутому обрыву, отмахивался топором; собаки отскакивали и кидались на него снова. Одна из них, окровавленная, кружилась юлой, а другая, отчаянно визжа, поползла в сторону, оставляя кровавый след.

Сильный толчок откуда-то сверху сбил Чиркова с ног – это здоровенный волкодав атаковал его с обрыва. Теперь закружились все в одном клубке – стая хищных собак и он, человек, ставший их дичью. Чирков вставал и падал во всеобщем рычании и лае; на нём висли сразу несколько псов, рвали одежду. Хорошо, что он был тепло одет!

Он уже выронил топор и отбивался ножом, выхваченным из-за голенища. Непонятно как оказался на полуповаленном стволе сосны – откуда взялось такое проворство! Собаки подпрыгивали под ним, пытаясь достать, пробирались к нему по стволу меж торчавшими с разные стороны ветками, он изворачивался, ударами ног сбивал их вниз.

Здесь, на дереве, Чирков уже пришёл в себя хладнокровнее и только теперь вспомнил про пистолет, положенный во внутренний карман бушлата. Никогда ведь не выходил из дома без него, и вот теперь, хладнокровно прицеливаясь, выстрелил... и ещё, и снова... Последнюю собаку пули настигли довольно далеко, за ручьём.

Наступила тишина. Впрочем, один из псов ещё поскуливал, слепо тыкаясь головой в куст.

Чирков спрыгнул с дерева, некоторое время стоял, обводя безумным взглядом окружающий его лес, крутые берега оврага, теряющееся в снегу русло ручья. Прихрамывая, обошёл собачьи трупы; шевелящихся добивал ударами окровавленного ножа.

Вот только после этого он оглядел себя. Кровь из разорванной мышцы правой ноги натекла на сапог. Липко было и пальцам в левом сапоге. Бушлат изорван в клочья, вата и шерсть овчины торчали тут и там.

Всё ещё насторожённо прислушиваясь, Чирков разулся, закатал штанины насколько смог и осмотрел свои раны. Одна была глубока, кровотечение не останавливалось, и он сделал тугую повязку, перекрутив ногу брючным ремнём. Прочие следы собачьих зубов промыл, брезгливо морщась, и умылся сам. Вода в ручье утекала от него розовая от крови. Одежда, отыскал брошенный топор и, хромя, пошёл к своему логову, всё ещё чутко слушая лес и держа наготове топор в одной руке, а пистолет в другой.

Придя в своё логово, он лёг на постель и словно в пропасть сорвался. Это был не сон, это был приступ беспомощности, отторжение от реальной жизни, почти смерть. А когда стал пробуждаться – воскресать! – раны уже затянулись коростой, и короста эта местами отваливалась. Он был худ, страшен и охвачен тоскливым томлением. Даже голода не чувствовал.

Происхождение от многодневного забвения происходило вяло. Он осознал, что лежит в обгаженной постели, но не было сил подняться. Превозмогая себя, все-таки встал, помылся в холодной душевой, выбросил постель на улицу, постелил другой тюфяк – у него их было много – поел сначала нехотя,

потом все более жадно (тушеное мясо из банки в солидоле) и опять уснул. Но спал теперь недолго, и дальше жизнь его текла вяло, полусонно...

А вот по весне он вострепнулся, сонливость уже не преследовала его, и все чаще вспоминал о том, что у него есть семья – жена Влада и двое детей, две девочки. Но где они живут, далеко или близко – этого в памяти не было. И что теперь с ними, живы ли они, разум не мог подсказать.

Весной небо ясным не становилось, и хоть потеплело, солнце можно было различить только сквозь пелену облаков.

После нападения стаи одичавших собак, Чирков, выходя из дома, всегда брал с собой автомат, даже если шел просто за дровами. Мало того, в карман бушлата клал пистолет и еще вешал на пояс пару гранат. Зачем ему нужны эти гранаты, он не мог бы объяснить. Так, на всякий случай.

Однажды нашел им применение: в половодье бросил одну в омут – показалось, что там плещется рыба. После взрыва на поверхность воды всплыли странные рыбообразные существа – это были, конечно, окуни и плотицы, но изуродованные чьей-то злой волей и в таком изуродованном облике оставленные жить: все у них было, как у рыб, изображенных на неумелом детском рисунке, – грудные плавники один больше другого в несколько раз, хвост на жирном отростке, на спине розовая впадина, словно спинной плавник вырвали с корнем, и рана кое-как затянулась. Брюхо у этих существ походило на тараканье, в нём просвечивали насквозь кишки, и видно было, как внутри бьется махонькое сердечко.

Чиркова потянуло к работе на земле. В погребах мёртвой деревни ему удалось найти немного картошки; и он сажал её сразу в нескольких местах на полянах, но возделывать поле под зерновые было ему не под силу, и угроза бесхлебья придвинулась к нему вплотную.

В начале лета на полях вокруг мёртвой деревни опять поднялись злаки, но лишь кустиками. По мере роста их заглушали ольха и малинник, крапива и лопухи, колючий осот и овсюг, да еще тут и там поднимались эти проклятые зонтичные – они высасывали почву, забирали скудный солнечный свет настолько, что рядом с ними не выросло ни былинки, под ними было сумрачно и голо.

Теперь, когда запасы зерна у Чиркова иссякли, его стали преследовать уныние и страх: вдруг кто-то украдет или уничтожит те деревянные ящики, в которых покрытые солидолом банки... Страх, не основанный ни на чем, просто сам по себе: вдруг они исчезнут!?

Подвал с этими ящиками был глубокий, его стены и пол забетонированы, двери сварены из листового и уголкового железа; на дверях Чирков навесил целую гроздь замков. Мало того: дверь он завалил, замаскировал, а в свое логово перетащил десяток ящиков – ближний запас. Нет, никто не мог проникнуть в склад. И все-таки, все-таки...

Несмотря на то, что вокруг было мертво – ни птичьего щебета, ни звериного крика – Чирков всегда был настороже. Он сохранил в себе это постоянное ожидание чего-то – даже искусственно подогревал настороженность: будь начеку, вот-вот должен кто-то появиться – один или несколько. Пусть даже люди, которые появятся, будут его врагами. Пусть они замышляют против него худое, но хорошо, если б они были!.. Должны быть! А вот если их нет – совсем беда.

Вокруг военного городка он устроил тайники с оружием: это на тот случай, если вернется из похода, а логово его уже занято кем-то. Так чтоб отбить свое, понадобится и пулемет, и гранатомет, и ручные гранаты. Завернутое в промасленные куски брезента, это хранилось в укромных местах, в лесу.

Железной дверью закрывалось его логово, а дверь всегда была плотно закрыта и заперта на засов, если хозяин внутри, или на большой висячий замок, если уходил куда-то. Ложась спать, Чирков клал рядом с собой автомат и два пистолета. Был еще под рукой ящик с гранатами. На всякий случай.

Но месяц шел за месяцем, лето сменило весну, а осень лето, и прошла еще одна страшная зима. Все предосторожности оказались излишни: никто не появился в обозримом пространстве Чиркова – ни с

худой, ни с доброй целью. Если не считать тараканов.

В очередном своем походе он дошагал до неведомой ему доселе деревни и тут вздрогнул радостно и испуганно: на краю её очень уж правильно, в ряд расположились могилы, все одинаковые, без венков, но с православными крестами. Кресты деревянные, одинакового размера, и сделаны, судя по всему, в одно время. Значит, и захоронение совершено одновременно. Была даже пустая могила с другими в ряд, ожидавшая кого-то: стены ее были обшиты досками, чтоб земля не осыпалась.

Чирков понял, что кто-то хоронил тут людей уже после того, как они погибли подобно прочим жителям прочих деревень. А это означало, что после Времени Ноль кто-то остался в живых, следовательно, кого-то можно встретить даже сейчас. Он взволновался до того, что перехватило дыхание. Стал осматриваться, прислушиваться... но было тихо, безмолвно. Осторожно пошел по улице – дома были заперты на висячие замки и без замка оказался только один дом.

Чирков постучал – никто ему не ответил. Вошел – то, что он тут увидел, поразило его.

Посреди избы, прямо в гробу, на одеяле ватном лежал седой старик. Уже мертвый. Всё говорило о том, что старик этот с белой бородой сам улегся в гроб, а умер совсем недавно. Тело его еще не было тронутو тлением – значит, смерть наступила дня два или три назад; самое большое – за неделю до прихода Чиркова.

Осознав это, он чуть не заплакал от горя, словно старик был ему родным. Чирков сам удивился своему горю, но совладать с чувством не мог, смахнул слезу. Будто разминулся с дорогим человечком, и теперь уж им не встретиться никогда. Горько было от мысли, что в эти три года он, Чирков, мог быть не один – рядом жил бы еще один человек. Если б с ним поделиться банками в солидоле – жил бы и сейчас. Разговаривали бы...

Старик лежал, как и подобает покойнику, одетый в смертную белую рубаху, в опрятные синие брюки и в новенькие валенки. У изголовья его гроба стояли иконы: Нерукотворный Спас, Сретение, Николай Чудотворец.

Возле икон расставлены были два блюдечка, и в каждом застывшие лужинки воска – все, что осталось от сгоревших свечей. Еще много икон висело по стенам, и показалось Чиркову, будто большая лампада только что погасла от того колыхания воздуха, которое произвел он, вошедший.

В избе этой оказалось много книг с печатями сельской библиотеки. Но старик, по-видимому, перед смертью читал только Библию – она лежала рядом с ним и очки на ней, а рядом – маленький молитвенник.

Умерший был сед совершенно и худ. Восковая бледность не портила его лица, а придала ему выражение благородства. Наверное, он умер от голода, потому что ничего из съестного не было в этом доме – ни корки хлебной, ни чашки крупы.

На закладке Библии Чирков прочитал:

“Завещание. Я, Просекин Николай Сергееч, 84 года, похоронил свою семью, всех соседей, всю деревню. Нашедших меня прошу предать земле по-христиански. Крышка гроба возле сарая. Могила вырыта. Храни вас Господь, люди добрые. Аминь”.

Чирков постоял в этой избе. Зачем-то перекрестился неумело на иконы. Вышел и долго сидел на крыльце. Потом обложил избу хворостом да соломой и поджег. Когда изба уже занялась вся, он, будто вспомнив, вбежал внутрь – там было дымно, огонь гудел на чердаке – подхватил лежавшую возле покойника Библию и выскочил вон.

В сенях ему показалось, что сзади кто-то сухо кашлянул, но вернуться Чирков уже не мог. Да и зачем!

Мало ли что может померещиться!

Уже весь багровый от пожара, стоя перед ним, открыл книгу наугад и стал читать вслух:

- “Сказал я в сердце своём о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные; потому участь сынов человеческих и участь животных - участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета! Всё идёт в одно место: всё произошло из праха и всё возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных восходит ли вниз, в землю?..”

Чирков перелистнул, окинул взглядом пожар и продолжал читать уже молча:

“И обратился я, и увидел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие удаляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них”.

Чирков подумал, пожал плечами, ещё подумал, ещё раз пожал плечами и, размахнувшись, бросил книгу в огонь.

Оглянулся – возле сарая стояла прислоненной к стене крышка гроба. Она была выстругана, судя по всему, не вчера и не месяц назад, а гораздо раньше: доски уже утратили свежесть. Он зачем-то отнёс эту крышку к горящей избе и тоже бросил в огонь. Причём и сам себе не смог бы объяснить, зачем это сделал. Бросил, и всё тут. И ушёл, не оглядываясь.

Когда-то, ещё на первом году жизни в одиночестве после Времени Ноль, стал он отмечать крестиками на календаре прожитые дни, как Робинзон Крузо зарубками на столбе. Но поскольку иногда впадал в забытьё, от которого отходил медленно, то не мог потом определить, сколько суток проспал, и счёт дням потеря. Воспрянув от глубокого сна, он видел себя сильно похудевшим, с отросшими ногтями - значит, прошла неделя или более.

После огненных похорон того старика Чирков уснул, едва вернувшись домой. Долго ли, коротко ли он спал, трудно сказать, но проснулся ночью от обвального шума, писка, шороха, треска... Несколько секунд лежал, не соображая, что к чему; рука привычно нащупала цевьё автомата.

Шорох и шум обтекал его логово, как река обтекает остров. Что это? Наводнение с ледоходом? Нет, в шорохе слышался многоголосый писк живых существ...

Чирков осторожно встал, по-кошачьи мягко шагнул к окнуиллюминатору и отпрянул: под мутным светом с небес через поляну, пересечённую дорожками из бетонных плит текла серая масса... это была неисчислимая крысиная рать. А отпрянул Чирков потому, что в окошко-иллюминатор заглядывало их сразу несколько, тыкаясь отвратительными мокрыми мордочками как раз к его лицу. Их черные круглые глазки, острые зубы – всё источало злобу и свирепость.

В отвращении и панике он приоткрыл окошко, вставил дуло автомата в щель, как в бойницу, и нажал на спусковой крючок. Поднявшийся писк, казалось, заглушал звуки автоматной очереди. Перед его окном образовался клубок, в котором переплелись живые и мертвые. Он сменил рожок у автомата и снова поливал свинцом крысиную рать, не отрывая пальца от спускового крючка, пока палец не занемел. Патронов было много – их ли жалеть! Сменил рожок и в третий, и в четвертый раз... Нет, вражеская рать не разбегалась, а только еще больше свирепела, как те собаки. Крыс, наоборот, становилось все больше и больше, словно каждая мертвая делилась на несколько, части эти в свою очередь становились крысами. Во всеобщей суматохе живые поедали живых и мёртвых – Чирков это ясно видел.

Он захлопнул окошко, устало откинулся к стене, прислонился к ней спиной, зажал ладонями уши, чтобы не слышать отвратительный, характерный писк неостановимо жрущих хищников. Он представил

себе, какую мясорубку устроил перед своим логовом – всю эту кишашую гадость, это кровавое месиво... Зачем он стрелял! Наверняка полчища крыс прошли бы мимо, надо просто переждать.

Крысиное нашествие продолжалось всю ночь. Казалось, ему не будет конца. Чиркова посещала паническая мысль: неужели крысы обосновались здесь навсегда? Тогда они рано или поздно доберутся до продуктового склада и там – как знать! – учуют мясной запах и не успокоятся до тех пор, пока не уничтожат штабеля обсолидоленных банок. Значит, над жизнью его нависла смертельная опасность.

Чирков обдумывал тактику ведения войны с крысами. Надо добраться до цистерны с горючим, разлить его по всей территории, потом поджечь... Нет, не годится.

Выставить в дверной проём гранатомет и стрелять... нет, вряд ли разбегутся. Если б он умел водить бронетранспортер! Вот уж подавил бы, да как доберешься до гаража, где “броня”!

К рассвету шум и писк стали ослабевать и как бы удаляться, потом затихло все. При первых лучах солнца Чирков осторожно приоткрыл дверь, выглянул – его удивила полная тишина. Все, что росло вокруг, было вытоптано или обглодано – трава, кора деревьев, поверхностный слой почвы. Сквозная просека уходила через лес в одну и другую сторону – страшный след прошедшей крысиной рати.

Наутро после крысиного нашествия Чирков заметил вдруг: на тыльную сторону ладоней из-под рукавов напалзает волосной покров. С недоумением закатал рукава – обе руки по локоть и выше были в шерсти. Ну, не такой, как у собак или овец, однако же ненормально это!

Он разделся донага и внимательно осмотрел себя: густым волосом были покрыты ноги, руки... по груди и животу они даже кудрявились, но особенно густы были на плечах – словно овчина легла да и приросла.

Чирков совсем упал духом. Он подумал, что дальше-то станет еще более волосат, чем ныне, а в таком виде уже не сможет жить среди людей, когда те появятся. Если появятся...

Он стал озлоблен, нервен, все время ждал очередного пагубного для себя происшествия, все время был настороже. А сознание собственной волосатости мучило его неотступно, даже во сне.

Шло уже третье лето после Времени Ноль. Небо теперь чаще прояснялось, хотя никогда не бывало чистым. Солнечный диск довольно четко проступал сквозь облачную пелену, и наконец-то тени ложились на землю, то есть заметны стали, чего давно уже не бывало.

Чирков ходил по окрестностям, примечая ростки одичавшей ржи; грибов и ягод было много, но они имели жесткий, железистый вкус. Яблони в деревнях тоже одичали, плоды их были зелеными, без румянца, и густо покрыты бородавками.

Однажды, в день довольно жаркий и душный Чирков подходил к реке в таком месте, где ранее не бывал, и, вздрогнув, замер: ему почудились человеческие голоса, младенческий и женский. Сквозь прибрежные кусты он увидел в отдалении у противоположного берега молодую женщину, стоявшую на мелководье с малышом. Она плескала на него водицей, а он хныкал и оглядывался на берег, а там сидел мужчина, тоже раздетый и курил.

- Не бойся, Антошка! – приносило ветерком голос женщины. – Не бойся...

Чирков крепко потёр лицо ладонями – нет, они не исчезли: и мать с малышом на мелководье, и отец на берегу.

Чирков смутился от этой картины: слишком она была... прежней! Знакомой. Он отступил в кусты, через минуту опять посмотрел туда, откуда голоса: женщина уже выходила из воды, держа малыша на руках, а тот смеялся, говоря что-то лепетливо.

Чирков стал пробираться по берегу через заросли, чтоб приблизиться к ним, но попал в низину, а когда выбрался наверх, на том берегу уже никого не было. Он испугался, торопливо переплыл на ту сторону, внимательно осмотрел прибрежный песок – ни одного следочка не обнаружилось на песке! И трава по отсосу берега, где сидел мужчина, не была примята... и окурка не валялось.

Чирков долго стоял тут с потерянным видом.

Вернувшись в свое логово, он два дня не выходил из него. На третий собрался – повесил на одно плечо сумку с гранатами, на другое автомат и отправился в путь. На этот раз он уж не ходил бесцельно, а пересек лес напрямик и вышел к той деревне, где долго после Времени Ноль жил благообразный старик, который чинно умер в собственном доме, которому он, Чирков, устроил огненные похороны.

Чирков миновал пепелище, потом вернулся, отыскал возле сарая железную лопату, прихватил с собой. Вышел на окраину деревни, где на дверях висели замки, остановился у череды могил, у крайней из них, что открыта была и ждала...

Он деловито вышиб доски, которыми скреплены были края могилы, и расположил их рядком чуть наклонно, после чего лопатой навалил на них земли столько, сколько уместилось. Потом спустился в могильную яму, подрыл нишу в одной её стороне.

Он все рассчитал правильно. Посидел на краю, свесив ноги, потом решительно спрыгнул вниз, потянув за собой сумку с гранатами. Гранаты положил под грудь, когда лег ничком в яму...

Взрыв прозвучал глухо, утробно; земля вздыбилась, осела. На месте отрытой могилы осталась лишь неглубокая воронка. А больше не раздалось здесь ни звука.

1994 год.